

Т.И.ХОРХОРДИНА,
г. Москва, Российская Федерация

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И РОССИЙСКИЕ АРХИВЫ : КАК ЭТО БЫЛО

Khorkhordina T. I.

The 1917 Revolution and Russian Archives: How It All Happened

Аннотация

В статье рассматривается история российских архивов в период революции 1917 г. Отмечается, что к началу XX в. была осознана необходимость радикального преобразования архивной системы, и историки и архивисты выступили против всевластия бюрократических ведомств. Установлено, что в ходе «красной смуты» миссия губернских ученых архивных комиссий по спасению документальных памятников была продолжена их преемниками – Союзом Российских архивных деятелей, подготовившими всю идейно-теоретическую базу будущей реорганизации и централизации архивного дела.

Показана преемственность идейно-теоретических основ преобразования системы отечественных архивов. Создание в марте 1917 г. Союза РАД было реакцией общества на бессилие властей спасти одну из важнейших составляющих российской культуры и государственности – архивы. На основе проанализированных источников рассматривается работа по спасению архивов в годы «красной смуты». Роль и место Союза РАД – уникальная страница не только в истории российской, но и мировой культуры. История российских архивов в период революции – прежде всего история подвижничества архивистов и историков. Документально

доказано, что во имя спасения архивов большинство членов Союза РАД пошли на сотрудничество с представителем новой власти – Д.Б.Рязановым. В деле собирания архивов и строительства архивной системы на новой, подлинно научной основе Д.Б.Рязанов сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков страны.

Abstract

The article tackles the history of the Russian archives during the 1917 revolutions. It is noted that by the beginning of the XX-th century the scientific society realized the necessity of radical changes in the archival system, and historians and archivists contested against the absolute power of bureaucratic institutions. It is found out that in the course of the “red trouble” the mission of the provincial scholars of archival committees to save the documentary heritage was carried on by their successors and continuators – the Association of Russian Archival Figures, the community which was to prepare the whole ideological and theoretical basis for the future reorganization and centralization of archives administration.

The paper reveals the continuity of the ideological-theoretical foundations of the domestic archives system transformation. The creation of the Association of Russian Archival Figures was the reaction of the society to the disability of the authorities to save one of the most important components of the Russian culture and statehood – the archives. On the basis of the sources explored, the article analyses the archives rescue operation by the members of the Association of Russian Archival Figures which was founded in March 1917. The role and place of the Association of RAF in the history of archives salvation during the years of the “red trouble” is a unique stage both in Russian history and in the history of world culture. The history of Russian archives at the time of the revolutions is first of all the history of selfless labour of archivists and historians. It has been well documented that for the sake of saving archives the majority of the members of the Association of RAF had to collaborate with the representative of the new power –

D.B.Ryazanov. When collecting archives and building the archival system on a new, democratic and genuinely scientific basis, D.B.Ryazanov managed to unite almost all the leading archivists and historians.

Ключевые слова

революция 1917 г., российские архивы, губернские ученые архивные комиссии, Союз российских архивных деятелей, реорганизация и централизация архивного дела, Д.Б.Рязанов

Key-words

1917 revolution, Russian archives, provincial scholars, archival committees, Association of Russian Archival Figures, reorganization and centralization of archives administration, D.B.Ryazanov

«...Только искренне любя родное и стремясь быть ему верными, можем мы плодотворно работать для создания национальной культуры и, насколько есть сил, готовить постановку высоких задач, для которых, мы верим, призван наш великий народ»¹, - писал в 1910 г. русский мыслитель С.Н. Булгаков. Эта цитата является ключевой для понимания того, как и почему российские архивы удерживались на краю гибели в периоды Смута и социальных катаклизмов и возрождались в пожаре революций начала прошлого века. Она по времени совпадает с рождением идеи о необходимости подготовки и проведения коренных реформ архивного дела. Во время социально-политических потрясений просыпаются неведомые доселе резервы источников самосохранения, которые помогают отдельному человеку и человеческому сообществу в целом справиться с энтропийными процессами «временности» - с необратимой тенденцией к аннигиляции прошлого, растворения его в небытии. Именно тогда неизбежно рождаются идеи создания своеобразного дополнительного «оборонительного

пояса» из параллельных структур, которые, в конечном счете, объективно обеспечивают выживаемость Системы к сохранению государственности и национальной идентичности. Историки и архивисты образуют совместные операции по спасению документальных свидетельств о прошлом, ведя осознанную борьбу с тотальным забвением. По нашим наблюдениям, это и было основанием радикального реформирования архивного дела в России. Отсюда преемственность идейно-теоретических основ преобразования системы отечественных архивов.

В периоды Смуты понятие памяти, раздвигая психофизиологические границы, превращается в важнейшую категорию общественного сознания. С этим непосредственным образом связано понимание Архива как института структурированной памяти, материализованной преемственности связи поколений, в конечном счете, культуры, которая создается и воспроизводится человеком в ходе исторических процессов. Конечно, затем, в строгом соответствии с принципом внешней дополнительности, Система берет свое, и политика – в ее русском изводе – оттесняет героев-подвижников за кулисы.

Однако в короткие, хотя и перманентно возвращающиеся на круги своя, времена Смут этический смысл профессиональной работы архивистов становится высшим, над-системным стимулом к восстановлению искусственно разрываемой в ходе социально-политических катаклизмов «связи времен». Лучше других архивисты сознают, что моральная основа памяти является единственным способом сохранить способность к пониманию фундаментальности различия добра и зла. Так архивист получает весьма ощутимый личностный опыт переживания истории.

Приведем, в качестве наглядного примера, создание уникальных в истории мировой культуры общественных институтов - губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) и Союза российских архивных деятелей (Союз РАД).

Основатель и идейный вдохновитель ГУАК Н.В. Калачов (1819 – 1885) завоевал авторитет глубокими исследованиями по истории России. В юности он работал в Археографической комиссии, затем библиотекарем в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел и, наконец (с 1865г. и до последних дней жизни в 1885 г.) – управляющим Московским архивом Министерства юстиции. Таким образом, болезни архивов в пореформенной России он знал не понаслышке. В 1869 г. на 1 Археологическом съезде он озвучил мысль о том, чтобы превратить архивы в научные учреждения и «богатые сокровищницы, из которых исследователи будут черпать сведения, дающие жизнь и плоть их идеям и воображениям»². Его не услышали и не поняли.

Неприемлемой для бюрократического клана была его идея о том, что «перечень бумаг или дел, подлежащих уничтожению, должен быть категорически и ясно изложен. Лучше лишних сто дел хранить, чем уничтожить десять нужных»³.

И тогда Калачов обратился напрямую с призывом ко всем, как бы мы ныне сказали, «внесистемным» слоям общественности. Он просил об одном: пусть ведомства перед уничтожением своих архивов дадут их на просмотр членам ГУАК, чтобы они успели отобрать все, что может представлять научную ценность, для передачи в губернские исторические архивы.

И произошло чудо, которое, пожалуй, могло произойти только в России и только в критические моменты ее истории: без всякой поддержки властей, в том числе финансовой, на строго добровольной основе, во имя спасения архивов на штурм бастионов чиновников кинулись культурные люди по губерниям России. В этом смысле они вместе составили всесословный, над-системный институт свободных граждан.

В ходе «красной смуты» начала XX века миссия ГУАК по спасению памятников старины как основы русского самосознания, вне зависимости от политических взглядов и убеждений, была продолжена их преемниками – Союзом Российских архивных деятелей.

Общее в деятельности этих общественных организаций состоит, на наш взгляд, в том, что они попытались в периоды породившей их Смуты в качестве программной установки выдвинуть чисто российское понимание *этического измерения Памяти* (термин Ю.Н. Давыдова)⁴. Не случайно при всем разбросе мнений относительно личностных особенностей главных протагонистов эпохи исследователи сходятся в одном - наука и этика были в их сознании неразделимыми понятиями.

«Добросовестность» как этическая категория, характеризующая исследовательский метод настоящего ученого, выдвигается на первый план, поскольку в мире, где центробежные силы доминируют над центростремительными, от ученого требуется готовность к самопожертвованию во имя объективной истины.

К сожалению, в смутное время этический абсолютизм нередко уступает место этическому релятивизму. Временное, «вещное» одерживает верх над вечным, непреходящим.

Архивы как глубинная опора и фундамент исторической памяти первыми начинают чувствовать на себе разрушительные тектонические напряжения в недрах государства.

Если центральная власть не может или не желает заниматься архивами, ее функции принимают на себя культурные силы общества – подвижники, находившиеся до наступления социально-политических кризисов на периферии внимания со стороны государства. Вряд ли случайно, что именно в годы социальных катаклизмов архивы раскрывают свою глубинную, сокровенную сущность, а архивное дело испытывает муки радикальных реформ.

Оба института были порождением Смуты, реакцией общества на бессилие властей спасти одну из важнейших составляющих российской культуры и государственности – ее архивы.

Профессиональные историки и архивисты, а также примкнувшие к ним представители самых разных сословий, еще со времен Н.В. Калачова,

работавшие на общественных началах в составе губернских ученых архивных комиссий, - закрыли пробоину безвластия в днище Системы в февральские и октябрьские штормы 1917 г.

Документально установлено, что Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1.06.1918 г., - «манифест прав науки в архивах», как называли его современники, - был подготовлен на основе проектов, которые разрабатывали члены Союза РАД задолго до октябрьских событий.

Приведем малоизвестный пример неординарного, провидческого мышления членов Союза РАД.

В тверском музее была найдена рукопись, относящаяся к 1919 г., умершего от голода и болезней молодого ученого-архивоведа, одного из тех, кто сформировал «интеллектуальное ядро» Союза, - В. В. Снигирева (1885 – 1921). В рукописи содержится мысль, определяющая основной вектор деятельности историков и архивистов в смутные времена, и которая сегодня могла бы быть включена в программу ЮНЕСКО «Память мира». В.В. Снигирев обращает внимание на необходимость «предоставить архивам, библиотекам и музеям правом пользоваться флагом и защитой Красного Креста со всеми вытекающими отсюда последствиями». Он писал и о крайней важности «непрестанной пропаганды на случай возможных народных движений идеи величайшей государственной и культурной ценности архивов и их материалов, долженствующих рассматриваться как некие аполитичные и экстерриториальные единицы»⁵.

Современный политолог скажет – наивная утопия.

Но именно благодаря «наивным утопистам» в России произошло то, чем восхищались, скажем, представители почтенного французского сообщества историков и архивистов. Генеральный директор архивов Франции, знаменитый историк Шарль Ланглуа, ознакомившись в Москве с состоянием наших архивов в 1928 г., отметил: «Ваша революция оказалась мудрее нашей»⁶.

Знал бы он, какой ценой заплатили профессионалы архивного дела за сохранение каждой из этих ненужных и даже вредных, с точки зрения классовой идеологии, бумаг.

Поэтому, на наш взгляд, следует отрешиться от тесных оков традиционного определения архивов, где акцентируется внимание именно на учрежденческо-утилитарной, внешней стороне архивов, на их полезности, и не говорится о самоценности архивного документа.

Вещность побеждает вечность – увы, это рудименты прагматического подхода к архивам, которые считаются всего лишь бумагами, обладающими (или не обладающими!) определенной товарной стоимостью.

В основе фундаментальной науки об архивах лежит другое представление о сути архивов, где архив и архивист вместе олицетворяют собой целостное единство живого и неживого, материального и духовного, полезного и ценного, которое саморазвивается по законам комплементарности. Архивный документ – это, с одной стороны, отдельная материальная, уязвимая частица, корпускула, «единица» хранения. Но в то же время еще и неуловимая, неистребимая энергетическая волна, фотон культурного потока, квант рукотворного света, который живет, пока живет самосознание человека.

В связи с этим кажется отнюдь не случайным, что практически одновременно с открытием и развитием «принципа комплементарности» («сочетания несочетаемого») физиками Н. Бором, В. Гейзенбергом, Э. Шредингером, в России, в недрах Союза РАД, разрабатывалась «новая архивная доктрина», суть которой лаконично сформулировал еще в 1904 г. А.П. Воронов - последователь и популяризатор идей основателя отечественной науки об архивах Н.В. Калачова: «Все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве. Распознать эти организмы в архиве есть первая задача каждого истинного архивариуса... Библиотека есть *нечто*, тогда как архив есть *некто*, а потому архив не может расчленяться произвольно, как библиотека...»⁷.

Именно короткий период с 1917 по конец 1919 г., отмеченный революционной Смутой, стал поистине «медовым месяцем» в отношениях между российскими историками и архивистами, которые совместно спасали архивы. Теоретик и историк отечественного архивного дела В.Н. Автократов имел все основания назвать этот этап героическим⁸.

К началу XX в. необходимость радикального преобразования архивной системы осознавалась практически всеми историками и архивистами. В проектах архивных реформ Н.В. Калачова⁹ и Д.Я. Самоквасова¹⁰ можно найти почти текстуальные совпадения с положениями, которые затем составили основу декретов по архивному делу, принятых в первые годы советской власти. В отечественных архивах можно встретить документальное подтверждение факта, что личную заинтересованность в необходимости проведения радикального переустройства российской архивной системы проявлял император Николай II. С этого утверждения начал записку во ВЦИК историк, один из руководителей архивной реформы в послереволюционное время С.Ф. Платонов. Он отмечал, что «новым духом» реформ в отечественном архивном деле впервые ощутимо повеяло в 1911 г., когда на годичном собрании Русского исторического общества, проходившем под председательством Николая II, «бывший император поднял вопрос об усилении мер к охране исторических документов от уничтожения», и поручил Историческому обществу разработать вопрос о положении архивного дела в России и способах его улучшения. Однако путь преобразований был прерван Первой мировой войной, а затем революционными событиями 1917 г. Не случайно С.Ф. Платонов утверждал, что в момент, «когда стали выясняться первые признаки научной деятельности архивов, нас застигло то, что называется русской революцией»¹¹.

Накануне же революционных событий практически все историки и архивисты выступали за реформирование архивной системы, против

всевластия бюрократических ведомств. Парадоксально, но наиболее резко выразил эти настроения задолго до 1917 г. директор архива Священного Синода — одного из самых закрытых и привилегированных архивов дореволюционной России — А.Н. Львов: «...сколько бы мы теперь ни жаловались и ни возмущались... до изменения существующего законодательства и строя, не признающего за архивами исторического научного значения, решительно ничего не выйдет»¹².

Здесь отразилось противоборство между общественным настроением в пользу радикальных реформ и неспособностью ведомственного бюрократического аппарата решить проблему быстро, эффективно и мирным способом. Не усвоив этот исходный тезис, нельзя понять причину единодушного выступления историков и архивистов в период февральских событий 1917 г.

Прежде всего, следует учесть чрезвычайные, «форсмажорные» обстоятельства, вызвавшие появление Союза РАД.

В первый же мартовский день 1917 г., когда Временное правительство только успело объявить о начале своего существования, в Петрограде и Москве почти одновременно запылали костры во дворах зданий упраздненных новой властью органов полиции и жандармской охраны. Толпы неизвестных жгли кипы документов, которые кто-то выбрасывал прямо из окон или выносил в охапках. Как вспоминал спустя десять лет очевидец поджогов, «трудно было понять, кого в этой толпе было больше — любопытствующих или бывших охранников, стремившихся, пока не поздно, по возможности скрыть в огне костров следы своего участия в охране самодержавия»¹³. Погромам — под прикрытием «стихийных» выступлений народных масс — целенаправленно подвергались фонды Третьего отделения с. е. и. в. канцелярии, департамента полиции, губернского жандармского управления, судебной палаты, дворцовой комендатуры, генерал-губернатора и т. д.

«Воззвание» группы представителей столичной интеллигенции (А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, Ф.И. Шаляпин, С.К. Маковский и др.), опубликованное в «Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов» 8 марта 1917 г., стало первой акцией общественности в защиту памятников прошлого.

В начале марта флотский офицер, начальник архива Морского министерства А.И. Лебедев, разослал столичным архивистам и историкам персональные приглашения на собрание с целью выработки совместной программы деятельности в переломный для России период, «дабы не приходилось в будущем скупать на рынках у антиквариев и за границей то, что должно храниться в русских государственных архивах». И еще одно: немедленно выработать планомерную программу архивного строительства «для возможности централизации архивных государственных фондов»¹⁴.

Итогом первого (учредительного) собрания 18 марта 1917 г. стало официальное объявление о создании Союза РАД.

Через несколько дней, 22 марта 1917 г. при Временном правительстве создана Комиссия по разработке политических дел г. Москвы, которую возглавил С.П. Мельгунов. Кроме того, образована Комиссия по ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции во главе с В.Л. Бурцевым, а после её упразднения в июне – Особая комиссия для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений за время с 1905 по 1917 г., работавшая при Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, которую возглавил П.Е. Щеголев.

Заветной целью председателя Союза А.С.Лаппо-Данилевского и его единомышленников было, прежде всего, как можно быстрее устранить на законной основе ведомственное неустройство и сформировать

централизованную архивную систему в общегосударственном масштабе во главе с правительственным органом управления.

Союз РАД посылал бумаги с пометкой «Спешно» на рассмотрение Временного правительства. Однако дни Временного правительства были уже сочтены, и инициативы общегосударственного масштаба Союза РАД в области практически-организационной, к сожалению, так и не вышли из стадии научно-теоретической работы.

Осенью 1917 г. в Петрограде царила вполне реальная паника в связи с развалом фронта и наступлением немцев по всем направлениям. Всех охватило, вспоминал Лебедев, «модное национальное переживание», и Лаппо-Данилевский в этих условиях «категорически склонялся к мысли о необходимости вывоза из Петрограда крупнейших архивов..., несмотря на все доводы о возможности гибели их в пути: лишь бы они не попали в руки врага»¹⁵.

Впрочем, члены Союза РАД надеялись на намеченный на осень 1917 г. Всероссийский съезд архивных деятелей, на котором они рассчитывали получить дополнительные полномочия в работе по реформированию архивов. Однако из-за наступления немцев и резкого обострения внутриполитической обстановки в России съезд был перенесен на декабрь, а октябрьские события 1917 г. окончательно перечеркнули надежды на его проведение. В условиях полного паралича органов власти Союз РАД делал максимум возможного для спасения архивов от внешних и внутренних вандалов в соответствии с собственным пониманием профессионального и патриотического долга.

Кроме того, члены Союза РАД подготовили идейно-теоретическую базу будущей реорганизации и централизации архивного дела,

С первых же дней после захвата власти большевиками Союз РАД предпринял решительную попытку остаться вне политики. Это была естественная для ученых и профессионалов того времени позиция,

продиктованная, прежде всего стремлением уберечь ценности духовной культуры от перипетий разрушительной борьбы за власть.

Однако опять, как и в дни Февральской революции, архивы оказались на пороге гибели. Переживший эту вторую катастрофу А.Е. Пресняков добавил в описание трагической панорамы очередной чехарды с упразднением старых и появлением новых учреждений теперь уже «классовый» элемент: «Новые люди, которые вступили в покинутые помещения, были враждебны, по крайней мере, равнодушны ко всякой исторической традиции и обычно весьма далеки от сознательного, культурного отношения к документам прошлого. Архивные фонды казались им никому не нужным бумажным хламом... В тех — еще лучших — случаях, когда документы не подвергались опасности уничтожения, а только перемещались, делалось это нетерпеливо, небрежно, наспех... И та же разруха коснулась жутко и нетерпимо старых архивных хранилищ, разбитых на части, вытесняемых из прежних помещений, выбрасываемых на произвол любой случайности, иной раз осужденных на уничтожение»¹⁶. В рукописном варианте статьи приводятся подробности о том, как архивные документы с наступлением холодов шли на топку времянок, рвались на обертку, на самокрутки и т. п.¹⁷.

Даже спустя шесть лет Платонов писал в докладной записке во ВЦИК: «В архивном Деле октябрьский переворот повел к полному хаосу»¹⁸. Одновременно свидетели, очевидцы и участники событий не могут не помянуть благодарным словом те «счастливые исключения», когда при архивах оставались прежние их хранители: «Бывали и случаи трогательного архивного героизма, когда архивариусы, не получая ниоткуда ни поддержки, ни вознаграждения, не покидали поста и берегли вверенное им архивное имущество»¹⁹.

В Москве захват власти большевиками, как известно, не обошелся без вооруженных столкновений с защитниками Временного правительства.

Сотрудник МАМЮ Н.П. Чулков сообщал 15 декабря 1918 г. в Петроград члену Совета Союза РАД Б.Л. Модзалевскому: «Пришлось пережить жуткие дни, около недели день и ночь быть под обстрелом... Едва прозвучал последний оружейный выстрел, в архив явился военный отряд и реквизировал часть помещения... Если междоусобица возобновится, нам грозят неприятности вплоть до гибели всего, нами охраняемого»²⁰. Больше месяца ждали архивисты МАМЮ ответа на просьбу к московским властям помочь в выселении непрошенных «поселенцев», но, правда, все-таки дождались. Им была выдана «охранная грамота», на основании которой позже был создан миф, что чуть ли не все архивы обзавелись соответствующими документами. При обстреле и после захвата Кремля были повреждены помещения и частично сожжены солдатами документы московского отделения Архива императорского двора и губернского Архива Старых дел, хранившиеся в Троицкой, Никольской и Арсенальной башнях²¹. В «Акте осмотра», подписанном архивистами С. Кологривовым и Б. Пушкиным, которые посетили Троицкую башню Кремля, обследуя размещавшееся здесь Московское отделение Общего архива бывшего Министерства двора, установлено, что запертые двери Архива взломаны, везде следы варварского обращения с документами: «... культурная ценность....., которую бережно в течение почти полувека выращивал архив трудами своих служащих от сторожа до начальника на благо просвещение всех русских граждан, в корне разбита, разрушена; .. документы..... теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т. к. разрушители и грабители в нескольких местах дворцового архива поустроили отхожие места»²².

Об отношении большевиков к архивам прежних лет, говорит следующий факт: в ночь на 28 октября 1918 г. они тайно сожгли архив собственного Военно-революционного комитета, когда им показалось, что восстание обречено на провал.²³

Иначе говоря, после ноября 1917 г. интеллигенция столкнулась в массовых масштабах с вандализмом особого рода - на «идеологической основе».²⁴

Академик А.С.Лаппо-Данилевский в дни большевистского переворота вместе с другими академиками (М.А. Дьяконовым, С.Ф. Ольденбургом, М.И. Ростовцевым, А.А. Шахматовым и Н.С. Курнаковым) подписал официальное заявление Российской Академии наук, которое начиналось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства». В голодном и холодном Петрограде он отказывался идти на контакты с представителями Советской власти, и разрабатывал проект создания Института социальных наук в противовес Социалистической академии, пытаясь защитить чисто научные, внепартийные интересы ученых и обеспечить им условия для независимой исследовательской работы.

Тем не менее, страх за судьбу архивов пересилил личный страх. По словам С.Ф.Платонова, архивисты и историки не могли долго оставаться «бессильными зрителями происходившей на их глазах гибели исторических ценностей». Именно этим было обусловлено, что 28 января 1918 г. члены Союза РАД собрались на первое после падения Временного правительства общее собрание, на котором по предложению Лаппо-Данилевского было решено принять ряд экстренных мер «по ограждению архивов от разрушений, разграблений, захвата их помещений и т. п.».

А.С. Лаппо-Данилевский призвал обратиться к новому правительству с требованием решить, наконец, в практическом плане вопрос о создании объединенного Союза всех ученых (научных и научно-исследовательских) учреждений и высших учебных заведений «для защиты внепартийных научных интересов» и обеспечения автономии всех ученых учреждений, к которым относились и архивы. На имя наркома просвещения А.В. Луначарского было составлено

соответствующее письмо, которое должна вручить ему лично делегация Союза РАД во главе с Н.В. Голицыным. Одновременно члены Союза РАД приняли документ с просьбой к архивистам вернуться на свои рабочие места.

На следующем собрании (30 января) Союз РАД поручил Совету дополнить письмо «мотивированным заявлением», где содержалось требование предоставить каждому крупному архиву внутреннюю автономию.

Весной 1918 г. СНК принял решение об эвакуации крупнейших архивов из Петрограда в Москву и о назначении уполномоченного Совнаркома Петроградской коммуны «по ликвидации и реорганизации архивов», которым стал Д.Б.Рязанов.

Полным совпадением «ментальностей» можно объяснить тот факт, что Д.Б.Рязанову поверили такие разные люди, как академик С.Ф. Платонов, князь Н.В. Голицын и флотский офицер-архивист А.И. Лебедев. Последующие события показали, что Рязанов не лукавил, когда сразу же заявил собравшимся, что пришел на заседание руководства Союза РАД не как комиссар и не с целью захвата власти, а по личному приглашению авторитетных представителей российской интеллигенции тех лет (П.Е. Щеголева, В.И. Срезневского, Б.И. Николаевского и других). Он показал, что его цель – добиться принятия и проведения в жизнь закона о централизации архивного дела, разработанного членами Союза, поскольку только на этой легальной основе можно спасти гибнущие повсеместно архивы.

Вот почему даже непримиримый по отношению к большевикам А.С. Лаппо-Данилевский присоединился к голосованию в пользу предложения «приветствовать назначение Рязанова» руководителем централизации архивного дела в ходе исторического заседания Союза РАД 27 марта 1918 года²⁵

Один из первых исследователей роли Д.Б.Рязанова и С.Ф.Платонова в строительстве новой архивной системы России С.О.

Шмидт отмечал: «...никогда не было столь близкого и результативного творческого содружества архивов и исторической науки – и, пожалуй, не только в России»²⁶.

По настоянию Д.Б. Рязанова центральное ведомство по управлению создававшимся Единым государственным архивным фондом – Главное управление архивным делом (ГУАД) – было включено в систему Наркомата просвещения и поставлено на фундамент государственного финансирования. Это было реализацией проекта, который предлагали российские архивисты с середины XIX в.

В деле спасения архивов и строительства архивной системы на новой, подлинно научной основе Рязанов сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков страны.

Однако при первой же возможности долго зревший конфликт между политикой в архивной сфере руководства большевистской партии в лице М.Н. Покровского, с одной стороны, и Д.Б.Рязановым – с другой, в конечном счете был разрешен в форме административного вмешательства. Летом 1920 г. Д.Б. Рязанов был смещен с поста руководителя архивного ведомства.

Его место заняла коллегия во главе с М.Н. Покровским, который сразу заявил, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта.

С отстранением Д.Б.Рязанова началась новая эпоха в истории отечественных архивов, связанная с политизацией архивов и возрождением господства принципа ведомственности, который с таким трудом преодолевали историки-архивисты в 1918 – 1920 гг.

Примечания

¹ См.: *Булгаков С.Н.* Из философии культуры // Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 208-309. Sm: *Bulgakov S.N.* Iz filosofii kul'tury [From the philosophy of culture] // Geroizm i podvizhnichestvo. [Heroism and dedication]. М., 1992. S. 208-309.

² См.: *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. 1. С. 207. // Sm.: *Kalachov N.V.* Arhivy, ih gosudarstvennoe znachenie, sostav i ustrojstvo [Archives, their national significance, collections and structure of work] // Trudy I Arheologicheskogo s#ezda v Moskve. [The writings of the first Archeological congress in Moscow]. 1869. Т. 1. S. 207.

³ Подробнее см.: *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С.145- 177. Podrobnее sm.: *Horhordina T.I.* Rossijskaja nauka ob arhivah: Istorija. Teorija. Ljudi. [Russian science about archives: History. Theory. People] . М., 2003. S.145- 177.

⁴ См.: *Давыдов Ю.Н.* Этическое измерение памяти // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М., 1990. С. 165-200.

Sm.: *Davydov Ju.N.* Jeticheskoe izmerenie pamjati [Ethical measurement of memory] // Jeticheskaja mysl'. Nauchno-publicisticheskie chtenija. (Ethical thought: science-publicistic readings).М., 1990. S. 165-200.

⁵ *Снигирев В.В.* Важнейшие достижения западноевропейской теоретической мысли и практики в области постановки архивной работы. Доклад Московскому съезду архивных деятелей. Рукопись // Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка № 431. Л. 33. *Snigirev V.V.*

Vazhnejshie dostizhenija zapadnoevropejskoj teoreticheskoj mysli i praktiki v oblasti postanovki arhivnoj raboty. Doklad Moskovskomu s#ezdu arhivnyh dejatelej. Rukopis' [The most important achievements of the western theoretical thought and practice in the field of the archival work.] // Tverskoj oblastnoj ob#edinennyj muzej. [Tver regional united museum. The fund of the museum] F. R-1. Op. 1. Papka № 431. L. 33.

⁶ См.: *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М., 2007. С. 134. Sm.: Starostin E.V., Horhordina T.I. Arhivy i revoljucija. [Archives and the revolution]. М., 2007. S. 134.

⁷ *Воронов А.П.* Архивоведение: Конспект лекций, читанных в С-Петербургском археологическом институте. С-Пб., 1904. С.16.

Voronov A.P. Arhivovedenie: Konspekt lekcij, chitannyh v S-Peterburgskom arheologicheskom institute. [Archival science: The synopsis of the lectures read in the St-Petersburg Archeological Institute S-Pb., 1904. S.16.

⁸ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 330. // Avtokratov V.N. Teoreticheskie problemy otechestvennogo arhivovedenija. [Theoretic problems of national archival science] М., 2001. S. 330.

⁹ См.: *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство. Спб., 1877. Sm.: Kalachov N.V. Arhivy, ih gosudarstvennoe znachenie, sostav i ustrojstvo. [The writings of the first Archeological congress in Moscow]. Spb., 1877.

¹⁰ См.: *Самоквасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902. Sm.: Samokvasov D.Ja. Proekt arhivnoj reformy i sovremennoe sostojanie okonchatel'nyh arhivov v Rossii. [The project of the archival reform and modern situation with the final archives in Russia] . М., 1902.

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408. Л. 2 -5. ВЦИК - ЦАУ. Докладная записка С.Ф. Платонова об организации ЦАУ. (машинопись).

Sm.: GARF. F. 5325. Op. 9. D. 408. L. 2 -5. VCIK - CAU. Dokladnaja zapiska S.F. Platonova ob organizacii CAU. (mashinopis'). []

¹² РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об., 4-4 об. RGADA. F. 1628. Op. 1. D. 28. L. 1 ob., 4-4 ob.

¹³ *Максаков В.В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. XIII. С. 29. Maksakov V,V. Arhiv revoljucii i vneshnej politiki XIX i XX vv. [Archive of the revolution and foreign policy of the XIX and XX centuries] // Arhivnoe delo. [Archival business]. 1927. Vyp. XIII. S. 29.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 5-6; см. также: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С.331
Обращаем внимание на ключевые требования, содержащиеся в документе. В них уже содержатся две базовые установки (о создании государственных архивных фондов и необходимости их централизации), которые войдут затем в декрет от 1 июня 1918 г. GARF. F. 7789. Op. 1. D. 42. L. 5-6; sm. takzhe: Avtokratov V.N. Teoreticheskie problemy otechestvennogo arhivovedenija. [Theoretic problems of national archival science]. S. 331. Obrashhaem vnimanie na kljuchevye trebovanija, soderzhashhiesja v dokumente. V nih uzhe soderzhatsja dve bazovye ustanovki (o sozdanii gosudarstvennyh arhivnyh fondov i neobhodimosti ih centralizacii), kotorye vojduť zatem v dekret ot 1 ijunja 1918g.

¹⁵ *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 16. Avtokratov V.N. Ukaz. soch. [Ibid.] S. 16.

¹⁶ *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 208 -209. Presnjakov A.E. Reforma arhivnogo dela v Rossii [The reform of the archival business in Russia] // Russkij istoricheskij zhurnal. [Russian historical journal]. 1918. Kn. 5. S. 208 - 209.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 19. GARF. F. 5325. Op. 9. D. 480. L. 19.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп.9. Д.480. Л. 5. GARF. F. 5325. Op.9. D.480. L. 5.

¹⁹ *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела... С. 208. Presnjakov A.E. Reforma arhivnogo dela. [The reform of the archival business in Russia]. S. 208.

²⁰ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 18. Л. 17 - 17 об. GARF. F. 7789. Op. 1. D. 18. L. 17 - 17 ob.

²¹ ГАРФ. Ф. 7789. Оп.1. Д. 27. Л. 44 -44 об. GARF. F. 7789. Op.1. D. 27. L. 44 -44 ob.

²² См.: *Седельников В.О.* ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // Звенья. Исторический альманах. Вып. I. М., 1991. С. 439-450. Sm.: Sedel'nikov V.O. ChK i arhivy: Dva jepizoda iz istorii arhivnogo dela v pervye gody Sovetskoj vlasti [Cheka (Extraordinary Commission) and archives: Two episodes from the history of the archival business in the first years of the Soviet regime] // Zven'ja. Istoricheskij al'manah. [Links. Historical almanac]. Вып. I. М., 1991. S. 439-450.

²³ См.: *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 32. Sm.: Avtokratov V.N. Ukaz. soch. [] S. 32.

²⁴ См.: В.И. Ленин и А.В.Луначарский. Переписка, доклады,, документы. Литературное наследство. Т.80. М., 1971. С.6. Sm.: V.I. Lenin i A.V.Lunacharskij. Perepiska, doklady, dokumenty. Literaturnoe nasledstvo. [Lenin and A. V. Lunacharskyi. The correspondence, reports, documents. Literary heritage]. Т.80. М., 1971. S.6.

²⁵ Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской Академия наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. Вып. 1. СПб., 2001. С. 237. Podrobnее sm.: Rostovcev E.A. Dejatel'nost' A.S. Lappo-Danilevskogo v Rossijskoj Akademija nauk [Activity of A.S. Lappo-Danilevskyi at the Russian Academy of science/] // Istochnik. Istorik. Istorija: Sb. nauch. rabot. [Source. Historian. History: A collection of scientific works]. Вып. 1. SPb., 2001. S. 237.

²⁶ Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 40. Shmidt S.O. K jubileju D.B. Rjazanova [For the anniversary of D.B. Ryazanov] // Arheograf. ezhegodnik za 1995 god. M., 1997. S. 40.

Список литературы

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения.- М., 2001. – 393 с.
2. Давыдов Ю.Н. Этическое измерение памяти // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. -М., 1990.- С. 165-200.
3. Пресняков А.Е. Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал.- 1918.- Кн. 5.- С. 205 -222.
4. Старостин Е. В., Хорхордина Т.И. Архивы и революция. - М.: РГГУ, 2007.- 180 с.
5. Хорхордина Т.И.Российская наука об архивах: История. Теория. Люди.- М.: РГГУ, 2003.- 535 с.
6. Шмидт С.О. К юбилею Д.Б.Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 год.- М., 1997. – С. 35-48.
7. Шмидт С.О. О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и истории его подготовки и реализации // Отечественные архивы. - 2008.- № 6.- С. 134-138.

References

Avtokratov V.N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arhivovedenija*. [Theoretic problems of national archival science.] M. RSUH, 2001. 393 P.

Davidov U.N. *Jeticheskoe izmerenie pamjati* [Ethical measurement of memory]// *Jeticheskaja mysl'. Nauchno-publicisticheskie chtenija.* (Ethical thought: science-publicistic readings). M., 1990. P. 165-200// -M., 1990.- S. 165-200.

Khorkhordina T.I. *Rossijskaja nauka ob arhivah: Istorija. Teorija. Ljudi.* [Russian science about archives: History. Theory. People.]M.: RSUH, 2003. P.535.

Presnjakov A.E. *Reforma arhivnogo dela v Rossii* [The reform of the archival business in Russia] // *Russkij istoricheskij zhurnal.*- 1918.- Kn. 5.- S. 205 -222.

Shmidt S.O. *K jubileju D.B.Rjazanova* [For the anniversary of D.B. Ryazanov]// *Arheograficheskij ezhegodnik za 1995 god.*(Archeographic annual for 1995). M., 199. P.35-47.

Shmidt S.O. *O vosprijatii v istoricheskikh trudah dekreta ob arhivnom dele 1918 g. i istorii ego podgotovki i realizacii* [About the perception of the archives decree of 1918 in historical works and the history of its preparation and realization] // *Otechestvennye arhivy.* - 2008.- №6.- P . 134-138.

Starostin E.V., Khorkhordina T.I. *Arhivy i revoljucija.* [Archives and the revolution.]. M.: RSUH, 2007. 180 P.

Сведения об авторе

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, ioad@yandex .ru

About author

Khorkhordina Tatyana I., Dr. in History, head of the Department of the History and Structure of Archives Administration, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, ioad@yandex .ru